

«Государственное издательство»
1947, 24 июня, № 147

ТОВАРИЩ
ПОДРОСТОК

ЭТОТ «ВНЕПОЭТИЧЕСКИЙ» ВОЗРАСТ

Подросток... С этим словом часто ставят рядом слова — «трудный возраст». А мне довелось наблюдать этот трудный возраст в трудное время, и проявляли себя подростки удивительно самоотверженно. Это было на Урале в первые годы войны. Из окрестных деревень с самодельными сундучками в руках приходили подростки в ремесленные училища, на заводы, вставали к станкам вместо отцов и работали с полной отдачей сил. Что вело их сюда, что звало? Не побоюсь громких слов: их приводило высоконравственное чувство гражданственности, патриотизма, пусть неосознанного. Конечно, эти чувства постоянно, неизменно должны владеть умом и душой подростков. И тут за многое в ответе литература для них.

Хочется мне вспомнить последний разговор с Михаилом Кузьмичем Лукониным. Было это прошлым летом. Он подошел ко мне во дворе Союза писателей и стал говорить, что в сентябре будет проводить свой первый пленум как секретарь Московской писательской организации и хотел бы, чтобы я там выступила.

— О чем? — спросила я.

— О юных, о том, что вас волнует, — сказал Михаил Кузьмич.

Меня волновали вопросы, связанные с преподаванием литературы в ПТУ, и дела поэтические. Тут же я поделилась с Лукониным некоторыми своими соображениями. Он заинтересовался, загорелся, мы сели на скамью, подопили еще несколько человек, началась почти дискуссия.

— Преподавать будущему рабочему классу надо поэтически классике, но обязательно и современную поэзию, — убежденно сказал он. И подчеркнул: — Стихи совет-

ских поэтов. Этот вопрос важный. Значит, выступите?

— Доживем до понедельника, — отшутилась я.

Михаил Кузьмич громко засмеялся и сказал:

— Доживем! Доживем!

Было это в четверг, а до следующего понедельника он не дождался.

О словах Луконина я много думала и думаю теперь.

Нынче возраст подростков стали называть даже опасным. «Уроки опасного возраста» — так называлась одна из статей в печати. Все же оставила бы я, по Бальзаку, «опасный возраст» женщинам. А иным подросткам как раз может польстить, что они такие «опасные», и они постараются подтвердить это на деле. Такое бывает... Кстати, не пора ли пересмотреть само понятие «подросток», возрастные деления? Многих наших одиннадцатилетних, на мой взгляд, можно назвать подростками. А тысячи и тысячи 14-летних уже осваивают взрослые современные технические профессии. Существенно важно проследить, как смыкается эта их высокая техническая направленность с духовной и гражданской устремленностью. Ведь мотивы морального поведения много из них подчас ставят нас в тупик. Что из этого следует? Видимо, то, что нужны все новые поиски, новые пути воспитания гражданских, нравственных чувств подростка. Может быть, одной из таких душевных дорог как раз сумела бы стать современная поэзия, обращенная к подросткам. Призывность советской поэзии, идейный пафос, душевность могли бы обогатить чувства, ответить на вопросы бытия одиннадцатилетних подростков. Могли бы! Но такой поэзии для подростков у нас почти нет. Нет прежде всего потому, что возраст 10—14 лет испокон века считается «внепоэтическим».

Может быть, подростки не так уж безнадежны?

Недавно провела я опрос, точнее, по моей просьбе его провели другие.

По сведениям Центральной детской библиотеки, юношеской республиканской библиотеки, областной детской библиотеки, нескольких библиотек Подмосковья, подростки в 12 лет, в основном девочки, спрашивают «стихи по заданиям школы к праздникам и другим событиям. (Девочки, как известно, исполнительнее мальчиков). В 13, 14, 15 лет в связи с теми или иными датами и по собственному желанию и девочки, и мальчики (причем в 14, 15 лет чаще, чем в 13) спрашивают стихи разных поэтов.

Итак, младшие подростки — 11—12 лет — стихов почти не читают. 14-летние интересуются отличными и хорошими поэтами, хоть и нечасто. Многие тяготеют к лирике, но далеко не всегда умеют распознать подлинный лиризм. Иные совсем не знают многих очень хороших советских поэтов.

По собственному опыту могу сказать, что и среди множества одиннадцати-тринадцатилетних подростков, увлеченных приключенческой литературой, есть те, кто стремится к поэзии, ищет ее. Вот выдержки из нескольких писем:

«Мы зовем себя «сарайники», потому что осенью собирались в пустом сарае. Там хорошо нам было. Мы говорили, что в голову придет, и обсуждали жизнь, пели, конечно. Однажды затеяли читать стихи, что какие знает. Я знаю, что в школе учила, но не их же читать? Помню детские, потому что до сих пор их люблю, хотя мне тринадцать, скоро четырнадцать. Но читать их постеснялась. Напишите что-нибудь подходящее для «сарайников».

Из письма школьницы 12 лет: «Мама говорит, что это рано и глупо, но я все равно влюбилась. Пришлите мне, если сможете, какие-нибудь чувствительные стихи. Не глупые». («Не глупые» за-

черкнуто, написано: «Умные»).

Интересное письмо мальчишки 11 лет: «Почему поэтам позволяется любить одиночество в школьные годы, а если стихов не сочиняешь, а читаешь их и хочешь остаться один, то советуют читать их поменьше и называют тебя неkontakтным?».

Видите, паренька упрекают в том, что он чересчур любит стихи.

Не происходит ли у нас вот что: у многих ребят сейчас одновременно с физическим ростом, может быть, идет и душевная акселерация, и она изменяет потребности возраста?

Но если четырнадцатилетние сегодня нередко понимают философию лирику «взрослых» поэтов, то большинству 11—13-летних она все же недоступна. А им, мне кажется, особенно нужна поэзия как нравственная питательная среда. И нынче самое время поэтам пойти в разведку, попробовать, как теперь говорят, «выйти» на этот «внепоэтический» возраст. И тут я, варьируя мысль Луконина о необходимости именно современной поэзии для будущего рабочего класса, хочу сказать, что для нынешних «внепоэтических» подростков надо писать не только вообще о современности, но об их делах, характерах, переживаниях, о них самих, о проблемах советского отрочества. Но для того, чтобы писать для современного подростка, надо знать его, а для этого требуется время. Но настоящий поэт обладает повышенной интуицией, и если почувствует потребность понять, то может многое понять с первых своих впечатлений. И длительное время отдать на изучение современного подростка — стоить! Еще как стоить! Ведь это значит бережно прикоснуться к формирующейся личности — сложной, противоречивой, в которой часто уживаются целенаправленность и равнодушные, взрослое тяготение к фи-

лософским вопросам и известная инфантильность в понимании гражданственности.

Предвижу, что иной критик всплеснет руками:

— Как, особые поэты еще и для подростков?

Такие критики вообще скрепя сердце признают детскую литературу. Но, может быть, и впрямь слишком дробно деление по годам и возрастам не только детей, но и подростков? А что поделаешь, если, к примеру, интересы двенадцатилетнего читателя и четырнадцатилетнего столь различны! Правда, на мой взгляд, стихи для любого возраста надо писать «навырост», с прицелом вперед, чтобы растущий читатель, возвращаясь к ним, мог со временем открывать для себя их более глубокий смысл.

Почему-то мы смирились с тем, что сегодня властительницей дум одиннадцатилетних подростков стала только приключенческая литература, только она одна. Чем она пленяет читателя, жаждающего действия, понятно: интересным, иногда овеянным тайной замыслом, героико-романтическим духом поиска, бесстрашием или находчивостью героев, неожиданностью развязки. Но разве все эти элементы не могут быть приложены к поэзии, прежде всего к балладе, например? Баллада вполне вписывается в себя нынешнее героико-романтическое начало, современный, напряженный сюжет.

Многие подростки — и старшие, и младшие — любят сатиру. Отчего же мы так скупно и редко говорим с ними на этом языке? Ведь в разговоре на острые моральные темы сатира становится особенной силой. Некоторым кажется, что писать для современных четырнадцати-пятнадцатилетних нужно главным образом о труде. О труде надо писать для всех поколений, но не только как о понятии техническом, но как о явлении нравственном. И писать пре-

жде всего хорошо, потому что плохо писать о труде вообще безразлично.

Переживания современно-го подростка сейчас усложнились, и, может быть, этим частично объясняется повышенное тяготение многих из них к лирике. Особенно я почувствовала повзросление подростков, собирая стихи детей разных стран. Вот стихотворение, которое дала мне финская школьница 14 лет — «Дорогой папа»:

Вот я гуляю в парке
В объёме с парнем,
С папироской в зубах.
И мне совсем не весело.
Дорогой папа, приходи
за мной

И верни меня в то время,
Когда дом был для меня
Лучшим местом в мире.

Повзросление принесло с собой не только ранние папироски в зубах, но и серьезные мысли и чувства о своем месте в жизни, о многом.

Для понимания сложного внутреннего мира наших подростков многое могут дать и их собственные стихи. Такие есть — их немало! И если расположить к себе юного стихотворца, он покажет свою заветную тетрадку. А дело поэта — в строчках, часто беспомощных, сырых, но не серых, разглядеть, ощутить, чем они рождены, какой мыслью или чувством. В стихах наших подростков иной раз тоже отражены метания, непростые семейные ситуации, но юный оптимизм в них побеждает, и как много дают эти стихи для понимания светлых сторон души наших подростков!

Замечательно было бы создать для них журнал. И хорошо бы, перестав раз навсегда считать их возраст «внепоэтическим», побольше места отвести в этом журнале именно стихам. Жизнеутверждающим и глубоким, рожающим в душе и подлинную сердечность, и высокую гражданственность. Может быть, обращение к ним поэзии, иногда даже одной лирической строфы, делает для многих из них более легким трудный возраст.

Агния БАРТО.

Из выступления на пленуме правления Союза писателей СССР.